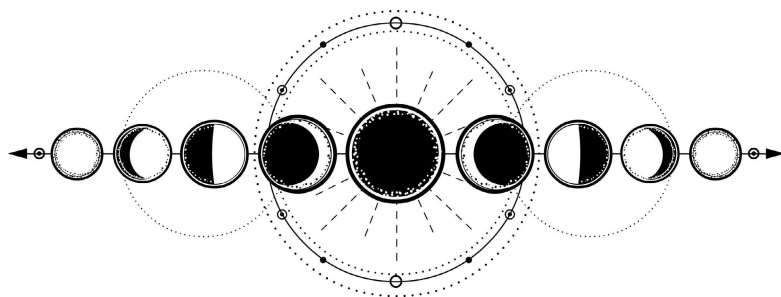

Зверь есть зверь.

ЧАСТЬ 1. NIGREDO¹

¹ С латинского буквально «чернота». Алхимический термин, обозначающий полное разложение. Является первым этапом создания философского камня. (*Прим. ред.*)

ГЛАВА 1. 1

1751 г.

Близ алжирского порта.

Корабль несли лазурные волны, а наполненные тугие паруса охотно расправили свои тела, подставляя себя ослепительным лучам. У нас другое солнце, и мои северные глаза не были готовы к такой щедрости — они щурились от избытка света. Стоя у самого борта, вглядываясь в белеющий вдалеке берег, я вспоминал рассказы о своих предках, которые когда-то давно бесстрашно пересекали океан, покоряя Новый Свет. Эта жажда, эта погоня за горизонтом текла в моих жилах. Оттого моя кровь закипала сейчас, как закипала два века назад у моих праотцов.

По мере того как корабль продолжал свой ход, от скалы будто бы отделился крутой утес. Наверху росла роща кипарисов, укрывая своей тенью побережье дикой бухты. Та враждебно скалилась крутыми камнями, по которым прыгали и горланили крупные вороны. Птицы выискивали, чем поживиться, пожирая падаль, выброшенную морем.

В нетерпении я рвался углядеть больше, чем мне дано видеть от природы, до боли напрягая глаза.

Город уже стал различим и рассыпался множеством белых домиков с плоскими крышами. Моей радости не было

предела, что казалось в общем-то не очень приличным и не сочеталось с моим траурным облачением.

Я распустил шнуровку на груди своей рубахи из черного льна, а европейские кальсоны заменил столь расхожими на юге широкими шароварами.

На ноги я надевал мягкие бархатные башмаки, чтобы пройтись, как сейчас, по палубе.

Меня распирала радость от скорого прибытия в чарующий Алжир, и я поспешил спуститься с палубы в каюту.

Мой отец, граф Оноре Готье, сидел с капитаном ипил горький кофе. Они сразу подняли взор. Их разительная непохожесть друг на друга даже заставила улыбнуться. Еще с первого дня мне понравился наш капитан — бронзовый от загара здоровяк с космами жестких усов и бакенбард. В целом капитан был действительно красивым и славным мужчиной, хоть его лицо уже получило отметины в виде темных пятен на лице. За все наше знакомство мне не давали покоя эти пятна, однако воспитание и приличия все же брали верх: пришлось удержаться от подробных расспросов о природе их происхождения. Подобная осторожность позволила мне сделаться его хорошим другом. Сейчас лицо капитана, отмеченное столь причудливо, не теряло своего добродушия, и он приветственно взмахнул рукой.

— Скоро уже прибудем, — торжественно произнес капитан, совершенно верно угадывая причину моего визита.

В ответ я радостно улыбнулся и кивнул, будто без моего заверения сейчас было никак не обойтись. Едва я перевел взгляд на отца, то сразу заметил, что он, в отличие от капитана, выглядел довольно изможденным и отнюдь не таким бодрым. Мое воодушевление скорым прибытием несколько остыло, когда я увидел настрой отца. Он напоминал настоящего проповедника. Блуза из темного льна была застегнута наглухо у самого горла, удушливо обхвативши его шею.

Волосы у него, как и у меня, как и у всех Готье, о которых мне довелось знать, были настолько светлы, что не было

приметно даже прядей седины, которые уже проступили к его сорока трем годам. Он собирал волосы на затылке в низкий хвост и туго схватывал их бархатной лентой. Наша северная бледная кожа еще до высадки в Алжире перенесла солнечные ожоги. По зеленым глазам я быстро догадался — он в дороге так и не смог толком отдохнуть. Тяжелый взгляд опустился к часам, которые лежали между ним и капитаном. Излюбленная памятная вещь была настолько дорога отцовскому сердцу, что он носил их, несмотря на крупную трещину посередине стекла.

— Ты не спал все это время? — спросил я.

— Выплюсь во дворце месье Шафака. Сходи пока, проведай кузена. Если он не спит, выходите на палубу, — сказал мне отец.

Он закрыл крышку часов и провел рукой по лицу. Коротким кивком я распрощался с ними и поспешил к каюте своего двоюродного брата.

* * *

Моя рука уже занеслась, чтобы постучать, но, видно, порыв ветра заставил корабль качнуться, и дверь сама приотворилась.

Я вошел легко и тихо — мягкая восточная обувь позволяла мне ступать бесшумно, как кошкам, — ни одна доска не скрипнула подо мной. Мой кузен Франсуа крепко спал в гамаке, который покачивался с тихим тугим скрипом.

Франсуа был старше меня на два года — ему было восемнадцать лет. Я уже видел, как кузен спит, свернувшись, будто бы прижимая к сердцу какую-то ценность, которую у него непременно должен кто-то отнять. Темные брови нахмурились. На корабле было довольно душно, так что ничего удивительного в том, что кузен спал с голым торсом, не было. Я даже мог заметить, как там, под кожей, перекачиваются мускулы.

Каждый раз, когда я вижу людей, хорошо сложенных, на ум приходят воспоминания о посещениях анатомических

театров. Среди таких же отчаянных маргиналов мира науки я видел достаточно свежих. Холодные тела вскрывали прямо на наших глазах, демонстрируя истинное нутро человеческой природы. Возвращаясь с тайных отлучек домой, в поместье, я рисовал по памяти увиденное, чем лучше закреплял эти образы. Теперь мое воображение в точности изображало все то, что скрыто под кожей.

Пока я стоял, скрестив руки на груди и предаваясь раздумьям — будить его или оставить в покое, кузен сам дернулся во сне и бросил на меня быстрый, еще совсем неосознанный взгляд.

— А, Этьен, это ты... — пробормотал Франсуа, потягиваясь и садясь в гамаке, и, чуть коснувшись ногами пола, слегка-слегка покачивался, потирая глаза и ероша свои каштановые кудри.

Подняв на меня зеленые глаза, он последний раз зевнул и мотнул головой.

— Сколько времени? — спросил Франсуа.

Я порядком успел заскучать за плавание. Беспощадно одинаковый горизонт, к какому борту ни подойди, довольно скверно сказался на мне и на восприятии того самого времени, о котором справлялся кузен.

Не будь он таким сонным и потерянным после недавнего пробуждения: кто знает? Быть может, я бы и задался вопросом о ходе времени, о том, как его восприятие смещается. Однако все же я отдавал себе отчет о состоянии своего спутника и понимал, что за такую тираду, которая у меня уже давно бьется запертым зверем, я в лучшем случае просто потеряю собеседника. Так что я попросту усмехнулся и пожал плечами.

— Город уже виден с корабля, — радостно сообщил я, обойдя сам вопрос, но не его суть.

Кузен резко перевел на меня взгляд, и его глаза широко раскрылись.

— Да? — оживился он и вновь сел в гамаке.

Я закивал, и Франсуа, встав на ноги, быстро накиннул рубашку на шнуровке, распущенную, как и у меня.

Корабль уже миновал приглянувшийся мне дикий утес и уверенно шел к порту.

— Как граф Готье? — спросил Франсуа, опираясь о борт, заглядываясь на светлеющий вдалеке город.

Я пожал плечами.

— С каких пор ты так называешь родного дядю? — спросил я.

Франсуа свел брови, глядя на меня, а я сделал вид, что не понимаю причину его внезапного смущения.

— Он с тобой не говорил? О тете Арабель? — спросил кузен.

Меньше всего на свете я хотел не то что говорить, но даже вспоминать о покойной тете Арабель. Моей силы воли не хватало, чтобы сдержать мурашки, которые выступали на моей коже от одного только воспоминания об этой женщине, с которой я имел несчастье быть в родственной связи.

Невольно обхватив себя поперек туловища, я глубоко вдохнул морской воздух, несущийся буйными ветрами со всех сторон. Это чуть помогло совладать с воспоминаниями об этой Арабель.

— Упокой Господь ее душу, — произнес я, перекрестившись, как полагается католику, и помотал головой, как будто бы не был в курсе ни о каких секретах своего кузена.

Франсуа поджал губы, явно не желая продолжать этот разговор без моего отца.

А меж тем на корабле началась суета, лучше всего предвещающая скорое прибытие в порт. Матросы шныряли из стороны в сторону, грязно ругаясь, каждый по-своему, но понимая товарища по команде.

Франсуа, будучи крепким юношей с пылким сердцем, исполнился вполне себе своевременным, но неприличным порывом для своего положения. А именно — он уже вознамерился помочь матросам, которые тянули на себя тугие скрипучие тросы, но я пресек этот порыв, положив руку на плечо кузену.

— Не стоит им мешать, братец, — произнес я.

— Мешать? — усмехнулся кузен, хотя смирился с моей правотой, пусть и не целиком ее признавая.

— Этьен прав, — кивнул отец. — Не стоит утруждать себя. Побереги силы, у нас будет много дел в городе.

Франсуа вздохнул, встряхнул плечами и продолжал смотреть за потугами матросов.

Вскоре корабль уже причалил. Не успели мы сойти, как пряный запах, разносимый резвыми ветрами, забил мне нос и волшебным дурманом ударил мне в голову.

Усталость, настигшая меня намного меньше, нежели моих спутников, в миг отступила, когда я сошел на сушу и огляделся по сторонам.

Глаза разбегались от чарующей картины, разворачивающейся прямо передо мной. Солнце уже лениво тянулось к горизонту, и тени становились длиннее.

Плеск волн в вечернем солнце разливался певучим золотом, и этот звон смешивался с местным гулким наречием.

Нас встретили с десятком слуг из местных, чей внешний облик так сильно разнился от европейцев, что вверг меня в шок. Их темная кожа лоснилась в янтарных ласках вечернего солнца.

Алжирцы вели на привязи трех ослов. На животных быстро погрузили тяжелые баулы, туго схваченные широкими ремнями.

Своими невероятными тягучими голосами местные подгоняли ослов, которые попросту стали посреди оживленной набережной. Погонщики быстро совладали с длинными упряжками, и вскоре мы двинулись по пыльной дороге вверх.

Я глядел на местный народ, на их одеяния, что струились по длинным черным рукам, в которых они держали плетеные корзины или расписную глиняную посуду. В их ношах, что местные несли сами или водружали на ослов, все плескалось, звенело и глухо гремело.

Меня обуял ненасытный голод, неутолимая жажда ощущений, которые не проходили, а лишь усиливались по мере

того, как я заглядывался на каждый жест смуглых рук, что были длиннее, нежели у людей на родине. Стоило мне посмотреть в черные влажные глаза, ответом мне были равнодушные, вражда или взаимный интерес.

Моя зачарованность украдкой притупила всякую бдительность и сыграла со мной дурную шутку: я не заметил черного араба, который суматошно несяся прямо на меня. Едва ли он придумал хоть какое-то значение, задевая буквально каждого во всей этой единой пестрой толпе, но я едва не повалился с ног. Благо мой любезный кузен очень вовремя подоспел.

— Не отставай, Этьен! — раздался беспокойный окрик отца, чей голос сейчас тонул, бледнел и будто бы растерял любую силу в здешнем дрожащем от угасающего зноя воздухе.

— Не отстаю! — отозвался я, потирая плечо и стараясь держаться своих, что было для меня вовсе нетрудно.

Хоть сердце мое уже начало тревожно колотиться, никак не радуясь беготне сквозь толпу, сейчас выбора особо и не было. Собрав волю в кулак, я продолжил проходить это тяжелое восхождение, обильно обливаясь потом.

Мы пробирались по пыльному городу, полному чарующего дурмана и манящих южных напевов. Я прекрасно знал, что ни один из этих звучных окликов не обращается ко мне, и все же каждый раз мне слышалось, будто бы какой-то алжирец звал меня по имени.

Какому-то неведомому и бесконечно подлому демону удавалось обмануть мой уставший разум снова и снова. В висках гудело от тяжелой дороги и духоты, и мои ребра едва-едва шевелились, как будто придавленные тяжелой плитой.

Наконец мы пришли к белокаменному забору с большими воротами. Несмотря на недомогание, я отдал должное этим стенам, и в особенности четырем нишам с остроконечными арками. Внутри каждой рябили рисунки из причудливых орнаментов, выложенных мозаикой. Ворота со скрипом

двинулись, подбирая под собой иссушенную пыль, и перед нами предстала зеленеющая кипарисовая роща.

Прохладная тень стала истинной панацеей для нас, ну, во всяком случае, для меня так точно. Я уже предвкушал, как моя северная кожа обратится сухой змеиной чешуей, которую можно отслаивать прямо руками, — и ждать, судя по ощущениям, оставалось недолго. С предвкушением расплаты за посягательство на проклятое золото коварного восточного солнца, я смотрел сквозь ветки деревьев, любясь урывками лазурного неба.

Тенистая роща милосердно берегла нас, пока мы совершали свой путь до белого каменного дворца. Здесь царил одурманивающий аромат трав, такой богатый и изысканный, и такой неведомый, что он кружил мою раскалывающуюся от зноя голову.

Великолепное здание выросло предо мной, гордо вознося свои резные украшения вокруг входа, в то время как высокие стены стояли будто бы равнодушно. Лучи уходящего солнца косо скользили по неровным стенам.

Слуги проводили нас до покоев, где находились кувшин с чистой холодной водой, тарелка пряностей и чистая одежда. Я охотно умыл лицо от пыли. Прохлада приятно коснулась моих пылающих щек. Переводя дыхание, я рухнул на постель, застеленную пестрым покрывалом, в ткани которого сплетались темно-бордовые и белоснежные нити.

Стены были выложены мелкой плиткой, затем шла белая стена с утопленными в нее нишами, а на сводчатом потолке пестрила россыпь мелкой мозаики.

Я лежал на спине, переживая то потрясение, которое на меня произвел Алжир. Перед глазами проносились кирпично-красные деревянные двери, на пороге которых сидели чернокожие мужчины, выглядывая из-под пестрых тюбанов своими черными глазами.

Коснувшись своего лба, я не на шутку обеспокоился, нет ли у меня жара, зная за собой особую склонность болеть в самое неподходящее время.

Сев в кровати, я на всякий случай вновь умылся прохладной водой из тяжелого кувшина. К моему собственному удивлению, я почувствовал себя намного лучше, хотя, может, я просто обманывал себя.

Уже более спокойным взором я обвел свою комнату, и приятным сюрпризом для меня оказался выход на балкон с тенистым навесом. Только-только унявшееся воодушевление вновь вспыхнуло в моем сердце, и я вышел осмотреться.

Следующим приятным сюрпризом было то, что этим чудесным балконом соединялись наши с Франсуа комнаты. Не преминув воспользоваться случаем, я зашел к кузену и уже хотел было подкрасться к нему со спины, как моя задумка не увенчалась успехом.

Меня выдал серебряный кувшин, стоявший напротив Франсуа. Кузен почти сразу же обернулся, завидев, хоть и искривленное, но вполне ясное отражение.

— На этот раз не вышло, — довольно заявил он.

Я пожал плечами и в качестве награды и утешения за проваленную засаду стянул горсть пряных засахаренных драже. Они стояли на низком столике в расписной эмалевой миске.

— В следующий раз, значит, — ответил я, пожав плечами, хрустя сахаром, который мягко таял на моих зубах.

— Дядя Оноре сказал, что до вечера мы предоставлены сами себе, — сказал Франсуа.

— А вечером? — удивился я.

— А вечером он представит нас месье Шафаку, — ответил кузен. — У тебя снова взгляд, как будто бы ты пьян, но я знаю, что это не так. Но все же, братец, ты не забыл, что прибыли мы сюда по делу?

Я внимательно слушал, хотя, наверное, по мне нельзя было сказать, так как я грыз драже за драже, блуждая взглядом по комнате. Прямой вопрос заставил меня кивнуть, все же дав хоть какой-то ответ.

— Разумеется, серьезный разговор, как будто отец ведет иные? — пожал я плечами.

— И он хочет, чтобы мы оба присутствовали при этом разговоре, — как будто бы было необходимо об этом напомнить, произнес Франсуа.

— Столько слышал от отца про этого месье Шафака... — потянувшись, произнес я, прохаживаясь по комнате кузена и пытаясь определить, кому из нас все же выделили покои попросторнее. — Ты думаешь, он к этому причастен?

Кузен вскинул брови и бросил взгляд на приотворенную дверь. Вполне благоразумно опасаясь лишних ушей, Франсуа прикрыл ее, догадываясь, к чему я клоню.

— К исчезновениям наших людей? Да, вполне, — кивнул Франсуа, говоря четко и уверенно, хоть и понизив голос.

Самодовольно пожав плечами, я лишь удостоверился в собственной догадке, и мне было приятно слышать, что мы с кузеном одного мнения.

— Неужели ему выгодно ссориться с людьми, вроде моего отца? — Я прошелся по комнате, направляясь к тому злосчастному кувшину, отражение в котором меня выдало.

— Скорее всего, он нашел более щедрого покровителя, — ответил кузен.

— И менее белого, — добавил я, касаясь кончиками пальцев холодного металла. — Знаешь, а тогда ведь совсем скверная картинка складывается.

Я слегка постучал ногтями по кувшину, и он отозвался сладким распевным звоном.

Франсуа перевел на меня взгляд.

— Тогда выходит, этот месье Шафак в лучшем случае смотрит сквозь пальцы на эти исчезновения, — протянул я. — А в худшем...

— Ты ужасного мнения о людях, братец, — вздохнул Франсуа.

Я пожал плечами, не имея что возразить.

Очень скоро терновый венец мигрени ослаб и спал, и я ощутил долгожданную свободу. Новый прилив сил благотворно прояснил рассудок и оживил притупленные чувства. Первым делом, как и подобает пылкому уму исследователя, пробудилась жажда познания.

Было решено провести остаток длинного дня в изучении волшебного дворца, который столь радушно нас принял в качестве гостей.

Внутреннее убранство поражало, пленило с впечатляющим размахом и щедростью. Мы проходили вдоль арок, выложенных мелкой мозаикой. Их хитрые узоры обманывали мое зрение до такой степени, что отпечаток их, извратив все цвета и переменившись на противоположный, стоял перед моим взором, даже если я смотрел на белоснежную стену или пустой потолок.

Пекло остыло, и меня манил свежий воздух, который присущ жарким приморским городам: мягкий и ласковый. Если я закрывал глаза и вспоминал Марсель, в котором часто бывал, терпкие ароматы быстро уверяли меня, что мы на коварном востоке, вдали от родины, и глаза стоит держать открытыми.

Душистые ароматы расплывались незримым облаком, крадась в прохладных сгущающихся тенях. Прогуливаясь по крытым балкончикам, мы с Франсуа зашли во внутренний сад с алжирскими пихтами и раскидистыми оливковыми деревьями. Сам дворец окружал нас по периметру и состоял из четырех ярусов, которые стояли друг на друге ровными арками. Перила и перегородки, умело вырезанные из дерева, вились искусными решетками. Белые арки окрашивались в бледно-розовый цвет вечеряющего солнца, а над каждой капителью колонн тянулась полоса яркой плитки. Нежное благоухание доносилось с тихим ветерком, который трепал гибкие ветви с узкими сочными листьями.

Рядом со мной сидел Франсуа и чиркал в своем альбоме твердым карандашом. Лишь краем глаза я заметил пару набросков раскидистых оливковых деревьев, что стояли чуть поодаль от нас.

Изначально мы хотели лишь пройтись по саду, но жара уже спала, и мы нашли большее удовольствие, находясь здесь, на свежем воздухе.

— Как думаешь, нам разрешат и тут постелить под открытым небом? — спросил я.

— Думаю, это будет не совсем вежливо, — отозвался Франсуа. — Месье Шафак приготовил для нас прекрасные покои, но в первый же день мы просим гамаки, чтобы ночевать под звездами. Как-то некрасиво получается, не находишь? Я сам отнюдь не против самой затеи и при других бы обстоятельствах попросту не стал бы ждать никакого дозволения — взяли бы сами и натянули гамаки, делов-то?

Я улыбнулся, предаваясь приятным воспоминаниям о наших ночевках на тенистых опушках леса. Кроны ласковым шелестом скрывали наши с кузеном беседы. Сейчас оливковые деревья и кипарисы отнюдь не спешили заглушить наши разговоры. Кажется, деревья напротив притаились, слушая гостей с далекого севера.

— Ты смог бы тут остаться жить? — спросил я кузена.

— Мы едва приехали, — ответил он и пожал плечами.

Альбомный лист перевернулся с сухим шелестом, каким наполняются леса нашей родной Франции поздней осенью.

— А ты бы хотел? — спросил кузен, поднимаясь в полный рост и пересаживаясь на другое место, на этот раз обращая свой взор на низкие кусты с маленькими благоухающими белоснежными розами.

— Я же тебя не об этом спрашивал... — вздохнул я, закатывая глаза.

— Вот как? — спросил Франсуа.

Чирканье карандаша по бумаге не стихало.

— Мой вопрос был не о твоём желании, — протянул я. — Смог бы ты жить здесь? Про себя думаю, что вряд ли. Хотя

бы по вине этого беспощадного солнца. Не люблю состязаться, но я, кажется, обгорел сильнее вас обоих.

Я коснулся своих щек и лишний раз убедился, что Алжир в самом деле принял меня и беспощадно заклеил, и, скорее всего, этим вечером я буду походить на ящерицу во время линьки.

— Я думал, — произнес кузен, — тебе нравится город. Ты так заворуженно пялился на местных, на эти улочки, и едва ли проходил мимо миски со здешним угощением, чтобы не стянуть неведомое лакомство и сразу же пробовал его на вкус. В целом Алжир вполне в твоём духе, разве я не прав?

На моих губах сама собой занялась мягкая улыбка, и я чуть заметно кивнул.

— Мне нравится Алжир, но боюсь, он мне не по зубам, — произнес я, на самом деле польстившись на внимание кузена.

Не знаю, что мне понравилось больше: сама фраза, которая так легко и к месту сорвалась с моих губ или тихое бормотание кузена, которое сошло вместе со вздохом, вроде «О боже мой...» или что-то в этом духе — пересмешка оливковой рожицы не дала мне расслышать как следует.

— Только таким соперникам и стоит бросать вызов, как говорит профессор Алье, — произнес кузен. — Иначе...

— ...какой вкус от победы над слабейшим? — закончил я.

Мы с Франсуа усмехнулись, и повисла тишина, шелестящая тихим вечерним ветерком.

— А ты хотел бы умереть здесь? — спросил я, краем глаза поглядывая на кузена.

— Боже, — глухо усмехнулся Франсуа, отложив рисование. — Ты позер, Этьен.

Я пожал плечами.

— Вы все задумываетесь о красивой смерти, когда уже поздно, — продолжил я. — Когда вы уже скучный обрюзгший старик, окруженный сердобольными сиделками. Уже слишком поздно, время истекло, и шанс уйти красиво выпадает лишь раз, и то не всем. Я презираю осторожность, которая

губит вкус жизни. Нет, Франс, не смотри на меня так! Я совершенно серьезно! Именно смерть и дает нам вкус жизни. Уходить надо на высокой ноте. Клеймите меня безумцем или романтиком, если вам так угодно. Я не мог бы жить здесь — ласковый запах чарующих дурманов и пряностей лишь усыпляет, прежде чем Алжир покажет свои клыки. Нет, я точно не смог бы здесь жить, но с удовольствием умер бы тут.

— По-моему, ты перегрелся, Этьен, — вздохнул Франсуа.

Я презрительно прищурился, что отдалось неприятной болью на моем обгоревшем лице, и отмахнулся.

— Ну, если отбросить поэзию, мы толком не видели город, а завтра отец точно заставит нас заниматься его делами, и там уже праздно не послоняешься, — произнес я и решительно встал в полный рост, о чем скоро пожалел.

Чернота заволочла мне глаза, и понадобилась пара мгновений, чтобы прийти в себя.

— По дороге сюда я видел рынок, чуть выше от порта, — наконец, очнувшись от мрачного плена, произнес я.

* * *

На пыльных душных улицах, окутанных пряными благовониями и морскими жаркими ветрами, царила стихийная суета. Такого я не видел ни до, ни после. Толпа была не просто единым существом, она вобрала в себя всю пестроту нарядов, многоголосие окриков и зазываний, тысячи лиц, лоснящихся от влаги в вечеряющем янтарном солнце. Смуглые руки алжирцев пересчитывали брошенные на прилавок монеты, и благородный коварный металл пел манящим перезвоном. Слышалась речь, чем-то напоминающая наш родной французский, но притом здешний акцент звучал намного громче, так что ни я, ни кузен не могли разобрать ни слова.

Я сидел на каменных ступенях и облизывал большой палец, который я порезал, желая проверить добросовестность заточки сабли. Франсуа воротился от прилавка, знатно закупившись розовым маслом. Такого глубокого и величествен-

ного благоухания не слышали у нас дома. Насыщенный аромат дамасской розы неторопливо и мягко стелился в этом удушливом вечернем воздухе. Неспешно и царственно плыл он по воздуху, стелился и ублажал горячий рассудок. Пленительное очарование еще долго не рассеивалось, даже когда я закрыл стеклянный флакон и отдал кузену, пряный шлейф был добрым спутником, покуда мы брели дальше, вглубь рынка.

Ароматы спелых фруктов расцветали, когда мы приближались к лавочникам с маслянисто лоснящимися смуглыми лицами, и отступали, стоило нам продолжить свой путь. Зачарованный великолепием, я не глядел даже, куда ведет меня Франсуа, и очнулся от грез, лишь когда запахи масел, фруктов и цветов иссякли и перебились откровенной вонью. Я поморщился от этого гнусного смрада, который удушливо воцарился в этом месте. Перед нами развернулся мясной ряд.

Мы переглянулись с кузеном и, не обмолвившись ни словом, зареклись покупать здесь хоть что-то. Мухи гудели, садясь на разделанные туши и потроха. Сочившийся сок, смешанный с кровью, густыми липкими каплями проникал сквозь доски и ящики. Мясники разделявали туши своими тяжелыми ножами на пнях, пропитанных насквозь кровью. Лица свирепели, когда они наносили удары.

Мы уже прибавили шаг, стараясь поскорее покинуть мясной ряд. Кузен ушел немного вперед. Когда он скрылся за поворотом, сердце тревожно забилося. Почему мы не могли разминуться среди благоухающих масел, спелых сочившихся фруктов или столов, уставленных сладостями с золотистыми корочками сладкой карамели? Нет, мы разминулись посреди мерзостного удушливого смрада плоти и липкой крови и сока, которым насквозь пропитался песок под ногами.

Вдруг внимание мое привлек такой рев, который просто не мог исторгаться из человеческих уст. По крайней мере, мне так показалось, и я, щуря уставшие от яркого солнца глаза, обернулся на звук. Тогда я хотел посмотреть, что же

за зверское создание так пронзительно вскрикнуло, пересилив весь гул и гомон алжирского базара.

Около уступа собралось так много народа, что я точно понял — если я хочу узреть все своими глазами, я должен протиснуться в этой толпе. Будучи тем еще шуплым проницательной, я ловко подгадал момент и, проскользнув сквозь пыльные одежды, я добился своего. Внизу открылось плато. Драка была в самом разгаре. Притом бой казался неравным.

Четверо алжирцев явно были в свойстве между собой против одного-единственного высокого сутулого голодранца в красно-бордовом тюрбане. Его взгляд исподлобья проницательно алжирцев, которые явно не спешили с расправой, пользуясь очевидным своим превосходством. Голодранец оглядел толпу, и мне хватило той пары мгновений, чтобы увидеть в его загорелом лице европейца.

— Из-за чего потасовка? — спросил я, уповая, что среди зрителей найдется тот, кто поймет меня.

— Из-за чего, месье? — отозвался смуглолицый мужчина рядом со мной. — Пройдоха Жан решил украсть у мясника кость.

— Кость? — переспросил я, думая, что попросту не слышал в царящем вокруг оре.

— Кость, месье, кость, — закивал алжирец. — Вот и думай теперь, стоило оно того!

— Кто из них мясник? — спросил я, указывая вниз.

— Кто, месье? Так все пятеро, включая пройдоху Жана, — ответил алжирец. — Как знали, не к добру этот оборванец прибрел к нам с восточного утеса. Дикарь, как есть, да еще и вороватый.

Я закатил глаза, довольно утомившись этим разговором, равно как и шумом. Достав пару монет, я сунул их в руку своему собеседнику.

— Прикрикните, чтобы поутихло, мой добрый друг, — попросил я, махнув на разгоряченных зрителей рукой.

Влажный взгляд черных глаз вспыхнул. Видно, получив много больше, чем стоил этот простенький труд, алжирец

охотно присмирил толпу, гаркнув, вероятно, какую-то здешнюю брань. Как только толпа поутихла, я набрал воздуха в грудь и воззвал так громко, сколько у меня было силы:

— Я заплачу за него!

Все пятеро обратили на меня внимание, и я мог разглядеть лицо пройдохи Жана. Нескладный и резкий, со слишком длинными ступнями, обутыми в пыльные потертые сапоги, он сутулился и опирался рукой об огромный валун, где на привязи стояли ослы. Длинноухие упрямыч сторонылись всей драки, а может, и именно этого пройдохи Жана. Его опаленные светло-русые волосы грубо сваялись неряшливыми прядями, но когда голодранец поднял взгляд, волосы ниспали назад. Мне открылся взгляд, который я вижу перед собой до сих пор. На его опаленном лице с резкими чертами и сломанным носом один глаз горел светло-серым цветом, который сразу же напомнил мне об одном датском принце, моем близком друге детства. Второй же глаз чуть щурился, и он был черен, под стать алжирским очам.

Думаю, что он старше меня лет так на пять точно, а может, и больше. Вспоминаю его пыльные измятые лохмотья, которые обнажали его обгоревшие плечи, и не идет никакого более подходящего слова, но тогда он показался мне и впрямь конченным пройдохой. Эта ошибка мне много стоила, но сейчас, оглядываясь назад, я ничуть не жалею об этом.

До чего же мне было неожиданно увидеть соотечественника! Растерявшись, я стоял в оцепенении, но шевеление одного из алжирцев заставило меня вновь напомнить, что я не прочь подкинуть им денег.

— Сколько? — вопрошал я, наконец переведя взгляд на окруживших Жана.

Громко харкнув, он сплюнул с кровью на пыльную землю, после чего выпрямился в полный рост. Теперь он был еще выше, чем мне показалось вначале.

— Три пистоля, — ответил один из алжирцев.

— Что же это за кость такая? Рог единорога, не меньше, — пробормотал я себе под нос.

Видимо, на то и был расчет лукавого чернокожего алжирца, но у меня не нашлось монеты ни в один, ни в поллуидора. К большой радости мясников, я бросил им четыре пистоля одной монетой. Они ругнулись на прощание Жану, сплюнули наземь и оставили долговязого пройдоху, по крайней мере до поры до времени.

Не теряя ни минуты, я ринулся по ступеням сквозь разбредающую толпу вниз, к своему соотечественнику. Жан заметил, что его заступник столь охотно ищет его общества, и посему не спешил. Он присел на валун с привязанными ослами и, пощурив свой диковинный взор, обратился лицом к морю.

— Ты же здесь недавно? — спросил меня Жан, вместо приветствия или слов благодарности.

— Недавно, — согласно кивнул я.

Злиться на диковатую грубость мне не было никакого толку. Его простецкое отношение могло сыграть на руку. Этикет, расшаркивание ножкой, обутой в бархатные туфли с большими пряжками и бантами остались там, за морем, в далеком и мною ненавистном Версале. Воздух тут стоял морской, разгоряченный ужасающе щедрым южным солнцем, совсем никак не походил на затхлые болота Версаля, полные комарья и мошек.

— Если и воровать, то отчего кости, а не мясо? — спросил я.

Жан улыбнулся, почесывая затылок, и посмотрел на море.

— Ты скоро обгоришь под этим солнцем. И вообще, тебе тут не место, — ответил Жан, вставая с валуна.

Вот примерно чем-то таким выливается любое христианское деяние на моей памяти.

— Береги себя, — ответил я и собирался было уйти, как Жан резко вцепился мне в плечо.

Наши взгляды встретились, и меня пробрало до дрожи.

— Тебе тут не место, — повторил Жан, и голос его сделался низким, он рокотал басом.

Первая мысль, бежать, тотчас же смолкла. Холодная молния полоснула мой разум, в одно мгновение оживив все слова о пропаже европейцев.

— Ты что-то знаешь? — спросил я, стараясь распознать, о чем именно меня предостерегает Жан.

Догадка заставила его отступить. Его живой подвижный взгляд окинул весь рынок, шустро бегая из стороны в сторону.

— Я знаю, что людям вроде нас тут опасно, — произнес Жан.

— Вроде нас?.. — переспросил я.

— Возвращайся домой, пока не стало слишком поздно.

— Я здесь, чтобы узнать, что происходит с людьми вроде нас. Мы в опасности? — спросил я.

— Ты — да, — усмехнулся долговязый.

Он потянулся и так быстро нырнул в базарную толпу, что я не успел ничего сказать. Вскоре его высокая фигура последний раз мелькнула, прежде чем он скрылся в проеме низкой арки. Жан наклонился, и тень поглотила его.

— Этьен!

Окрик кузена заставил очнуться и даже припомнить, что мы пришли вместе и нам обоим одинаково необходимо воротиться во дворец.

* * *

Ответы были там, на восточном утесе, который виднелся самым-самым краешком отсюда, с балкона дворца Шафакка. Сердце бешено билось. Еще днем виной тому я бы назвал жару, но солнце уже зашло, а мое тело омыли от пыли, пота и грязи холодной водой. Теперь мои мучения были не от моей северной природы и не оттого, что моя кожа так скверно обгорела.

Мне не давали покоя мысли о далеком чернеющем мысе. Жалкий вид бродяги, как и его отшельничество говорили о том, что живет он не столь припеваючи. Скорее всего, он

скрывается где-то там, на черном утесе, от своего прошлого. Сейчас было важно одно — Жан *знает*, что случилось с нашими людьми.

В конце концов, меня обуюла доселе неведомая мне решительность. Этот мясник-отшельник, конечно же, неспроста так боязливо озирается среди лукавых черных глаз алжирцев. Пройдоха Жан точно не будет подставляться на улице, где в каждой тени может поджидать изогнутый клинок.

Я знал, что за ответами мне надо идти туда, на черный восточный утес. Если Жан увидит кузена, отца, любого моего спутника — он исчезнет, как призрак на рассвете, а вместе с ним исчезнут и ответы. Сглотнув, я метнулся к своему баулу и быстро развязал его и достал пистолет. Явиться безоружным — конечно, глупость, но идти с гордо поднятым пистолетом в гости к незнакомцу — идея тоже довольно скверная. Пришлось переодеть мягкие туфли на высокие сапоги, чтобы было куда спрятать эту скромную меру самообороны.

Теперь оставалось лишь улизнуть незамеченным из дворца. Отец и кузен не поймут моих намерений, ведь они не видели Жана, не слышали его предостережений. Я должен разыскать правду для нас всех, и по великому счастью мне в этот раз даже не придется никому врать, а всего лишь оставить до поры до времени в неведении. Я не успел так быстро изучить расположения залов, входов и выходов, не говоря уже о том, как часто и какими путями ходят слуги и стража. С другой стороны, прямо у меня под носом был выход на балкон, от которого так великодушно веяло ночной прохладой. Поддавшись на безмолвный уговор манящей южной ночи, я вышел и оказался под роскошным небосводом. Представ перед таким великолепием, невозможно остаться прежним. На коже выступили мурашки. Как только я припал к перилам, все же отведя взгляд от роскошного богатства ночи, быстро понял, что прыгать было высоковато. Для атлета вроде моего кузена, может, и не проблема вовсе, но не для худого болезненного юноши, как я.

Опустив взгляд, я стал рассматривать решетку под перилами. Проверка на прочность прошла успешно: один-единственный жалобный скрип немного смущал, но не настолько, чтобы отказаться от прежнего намерения.

Я перелез через перила, слез по решетке, пока узор позволял цепляться за него, и прыгнул в сад. Падение пришлось жестче, чем ожидалось, но мягче, чем могло бы быть. Быстро отряхнувшись, я огляделся в сгущающихся сумерках. Свидетелей, по крайней мере зримых, я не обнаружил, и путь к воротам был чист. Благо изнутри они открывались довольно легко. Оказавшись снаружи, я лишь немного прикрыл двери и, не теряя времени, поспешил вниз по южным улицам.

Наступающая ночь разворачивала передо мной совсем иной Алжир. На улицы вышли местные, куря горькие травы. Этот запах бил мне в нос, когда я пробежал по узкой улочке. Я вдохнул слишком много тяжелого дыма, и вскоре мои виски загудели.

Короткая передышка дала волю скверным мыслям. Именно в подобные мгновения душевного, физического истощения, или же обоих сразу, какой-то незримый демон лукаво нашептывает: «А не вернуться ли? А не бросить ли начатое? Ты едва приступил, а уже выдохся. Что же дальше?» Самовольную отлучку уже должны были заметить. Возвращаться сейчас я не мог. Раз я уже проявил грубость, попросту сбежав с приема, то должен был выведать хоть что-то. Нет, ни здравый смысл, ни гордость не позволяли мне вернуться сейчас во дворец.

Восточный утес оказался намного дальше, чем мне представлялось тогда с корабля. По мере того как город оставался позади, я все реже слышал человеческие голоса. Когда меня окружили дикорастущие кипарисы, ютившиеся рощицей, людские голоса вовсе стихли, лишь изредка оживали редким и неясным эхом.

Впереди вилась каменистая дорожка, круто уходящая наверх. Каждый шаг предостерегал от последующего насто-

женным шорохом. Тяжелое восхождение прервалось, когда раздался залиvistый лай, заставивший замереть и прислушаться. Для таких диких мест было бы странно не держать злую собаку, которая была бы натаскана на незваных гостей, коим я, собственно говоря, и являлся. Стыд за самодовольство досадно кольнул сердце, но упаднические настроения быстро сменились куда более ободряющей мыслью.

«Не бывает собак, которым плевать на пули», — подумал я и наклонился к ноге, нащупывая свой пистолет.

Глаза привыкли к мраку довольно скоро, и я вглядывался в промежутки между стволами кипарисов, выискивая что-то похожее на дом, и из-за рощи выглянула хибара.

Конечно, сторожевой пес — обстоятельство пугающее, особенно для незваного гостя вроде меня, но куда больше пугало как раз отсутствие собаки во дворе и в принципе в пределах видимости. Вообще не было ничего видно и слышно. Собака оказалась вовсе не брехливой и больше голоса не подавала. Впрочем, это меня не остановило, и я зашел во двор, ведь на мое счастье хозяин не возвел никакого ограждения.

Боясь издать лишний звук, я ступал дальше, к хибаре. Дверь была раскрыта настежь. По-дикарски, но все же гостеприимный жест. Я внял этому заочному приглашению, переступая порог хибары. Сперва ничего странного не бросалось в глаза. На стенах висели шкуры и трофеи здешних зверей, так же отдельно лапы, хвосты, самодельные украшения из клыков и когтей. Вероятно, тот алжирец, который представил мне всех пятерых как мясников, не очень удосужился прознать о промысле Жана. Эта ошибка становилась еще очевиднее, если здешние видели разноглазого охотника на рынке, когда тот продавал добычу, и, вероятно, разделывал ее прямо на месте. Отсюда, верно, и закрепился за ним промысел мясника, а Жан был слишком угрюм и нелюдим, чтобы разуверить чье-то мнение о себе.

На столе, в углу, стояла убогая утварь из железа, пара котелков, огниво, длинный английский лук с колчаном стрел.

Старомодное средство охоты навяло мысли о том, что я абсолютно без понятия о толке здешней охоты. Приученный к подлым полутеатральным облавам, когда несколько взрослых мужчин гоняют по всему лесу одного-единственного вусмерть перепуганного кабана, могло не иметь ничего общего со здешним миром. Любопытство ошпарило мой ум, когда я представил, на кого же охотится разноглазый мясник, не пользуясь громким порохом. Мысли о пустынных скалистых плато и диких зверях, что пасутся среди редких, колючих и сухих кустов, вдруг померкли. В углу стояло нечто бесформенное, раскоряченное в непонятной мне форме. При всем моем кураже холодок щекотливо скользнул по спине. Сил, по крайней мере сразу, не хватало, чтобы приблизиться к таинству, сокрытому грубой холщовой мешковиной.

Истомленный вереницей самых причудливых образов, что пронеслись в моем сознании, я в нетерпении сорвал ветхий покров и обомлел. Во мраке предстали золотые чаши и блюда. Нити жемчужных бус тянулись из приоткрытых сундуков, обитых грубой жостью. К стене были приставлены гобелены, скрученные в рулоны и перевязанные тугими ремнями с изношенными поржавевшими пряжками.

Все это царственное великолепие посреди убогой хибары обескуражило меня. Сокровища лежали ничком, вповалку, безо всякого разбору. В той груди отчетливо читалось, сколь их хозяин либо вовсе не знает цены собственному богатству, либо напрочь лишен той земной алчности и златолюбия, от которого меня предостерегал священник на воскресной проповеди.

Со временем сокровищница стала нашептывать мне свои тихие и неприглядные откровения. Покуда глаза, по-кошачьи приспособившиеся к темноте, вглядывались в предметы, восторг угасал. Да, дорогая посуда продолжала излучать в манящем полумраке царственное великолепие, поблескивали самоцветы и металлы, но прямо подле валялись старые ботинки. Сразу вспомнились ноги Жана, а именно его длин-

ные ступни, которые так свойственны высоким долговязым людям. Даже той мимолетной встречи хватило, чтобы эта отнюдь не единственная особенность внешности врезалась в память.

Постепенно давали о себе знать и другие незамысловатые и вовсе не жуткие вещицы: кошель, ремни, туфли, очки с разбитыми стеклами и помятыми дужками, компас, три куртки разного кроя и размера, потертая сумка, две тетради для записей, так похожие на банкирские. Все эти вещи по отдельности не были дурными предвестниками, но сейчас, сваленные в одну кучу, имели иной смысл.

В тот миг мне открылись две новости, хорошая и плохая. Хорошая заключалась в том, что я понял, кто именно причастен к исчезновениям европейцев. По иронии, это же обстоятельство являлось и плохой новостью.

Когда я поднял взгляд, почуввав звериным нутром какой-то холодок, я еще не знал, что уже слишком поздно. Моя искаженная тень чернела в овальном золотом подносе, который расположился будто бы специально таким образом, чтобы я смог разглядеть вторую тень, что стояла прямо за мной. Мне не было никакой нужды оборачиваться, чтобы узнать, кто там.

Моя рука крепко сжимала пистолет. Жан точно заметил мое оружие. Сердце бешено забилося, руки похолодели от пота. Резко обернувшись, я взял его на прицел. Рука почти не дрожала. В любом случае с того расстояния разноглазый мясник не мог этого заметить.

Жан стоял, опершись левой рукой на дверной косяк, и выглядел слишком расслабленным для человека под дулом пистолета. Он смотрел мне прямо в глаза, наклонив голову вбок, будто ему попросту лень было ее держать ровно.

Прошло мгновение или несколько минут — я не знал. Счет времени стал иным. Все застыло, сам воздух, само время. Холодный озноб предательски вгрызся мне в руки, терзая их изнутри жгучим азотом. Насилу я совладал с собой, чувствуя, как вот-вот начну стучать зубами. Стиснув че-

люсть, я не сводил взгляда с мясника. Хозяину дикой хибары было чуждо любое волнение, будто бы это он держит меня на прицеле, а не наоборот.

— На кого ты охотишься? — спрашивал я, оглядывая Жана.

Он постучал длинными пальцами о косяк двери, с улыбкой окинув меня взглядом. Вопрос его явно позабавил. Жан отстранился от косяка и широким шагом приблизился, размашисто всплеснув руками. Они болтались вдоль его нескладного тела расслабленными плетьюми, пока его вымогораживающий взгляд бегло перескакивал то на меня, то на пистолет, и снова на меня.

— А то ты не знаешь, — произнес он низким, звучным голосом, который запомнился на долгие годы.

Я спустил курок, что стало роковой ошибкой. Слишком сильная отдача и оглушительная вспышка выстрела резко ударили в руку и на время отняли слух. В то же время Жан был полностью готов и к выстрелу, и к тому, что я промахнусь. В мгновение адская боль вспыхнула в виске, и я погрузился во тьму.

ГЛАВА 1. 2

Я не припомню более болезненного пробуждения ни до, ни после этой ночи. Меня вело, кружило, тошнило. Первый порыв как-то приподняться отозвался такой неистовой болью, пронзительный стон сам собой вырвался сквозь плотно стиснутые зубы. Пульсирующая боль пробуждалась и охватывала всю голову, раскалывая ее с беспощадностью Гефеста.

Отвратное чувство подступило к самому горлу, и я насилу приподнялся на локте и сблевал перед собой. Засохшие губы жгло от потрескавшихся ран и желчи.

Я хотел было вытереть рот, но, опустив взгляд на руки, злобно шикнул. Грубая веревка тугим узлом схватывала запястья, врезаясь до крови.

После нескольких напрасных попыток пришлось смириться. Попросту сильнее сдеру кожу с рук. В голове продолжала разливаться адская агония, и боль заставила меня вновь стиснуть зубы до скрипа. На глазах выступили горячие слезы.

Новый приступ тошноты вновь мутил, но на этот раз рвать было нечем. Сквозь боль проснулся рассудок. Измученные глаза бродили мутным взглядом по сторонам.

Тут к безумной, просто неистовой радости рядом оказалась глиняная миска с водой. Хватило одного залпа, чтобы

опустошить ее. Омерзительная желчь в горле поумерила свою едкость. Прохлада целительно прошла по раздраженному горлу, унимая страдания хоть самую малость. Появились силы, чтобы осмотреться. Судя по всему, я находился где-то под землей. Это место напоминало кельи монахов-отшельников. Комната была выдолблена прямо в скале, а проход был заделан решеткой, за которой темнел коридор.

Сверху лился солнечный свет из трех окошек, выбитых в ряд. Доносились отголоски морского прибоя. Я начал прикидывать, как скоро спохватятся отец и кузен, но особо рассчитывать на них было сложно. Жан им не по зубам. Дела оборачивались скверно, и лишь одно обстоятельство не давало окончательно утратить надежду — мое сердце все еще билось, и мне было безумно интересно почему.

Я прислонился спиной к каменной стене, собираясь с силами для встречи с Жаном. Что разноглазый голодранец придет, у меня не оставалось никаких сомнений, лишь вопрос времени. Ожидание и усталость нещадно притупляли рассудок.

— Спишь? — низкий голос заставил дрогнуть всем телом.

Некуда было отстраниться — я уже и так забился в самый угол. Видимо, сон внезапно одолел меня, прямо перед возникновением Жана. Он сидел на корточках, пялясь на меня и не мигая.

Этот взгляд, дикий и нелюдимый, ощущался, как разбойничий нож, приставленный прямо к самому горлу. Застывшие жуткие глаза были чужды роду человеческому. Много больше было родства со сводящим с ума северным сиянием или полнолунием. Я сглотнул, стараясь выдержать этот взгляд на себе, и вместе с тем ужаснулся крови на его скуле. Скверное увечье сильнее безобразило Жана, и тянулось до самой ушной раковины, на которой в самом верху остался уродливый оборванный край. Догадка о происхождении осенила мой изнуренный разум.

В любом другом случае я бы обрадовался, что мой выстрел если не сразил врага, то хотя бы оставил напомина-

ние. Сейчас же, под этим звериным взором, я был готов душу отдать, чтобы вовсе не совершать того выстрела, а еще лучше — чтобы он пришелся прямо в лоб мясника.

— Не спи, — произнес он, хлопнув меня по щеке.

Моя голова невольно отнялась назад в попытке отстраниться, но больно ударилась затылком. Жан усмехнулся, услышав глухое шиканье от боли. Он поднялся, сделал пару шагов и потянулся, разведя руки в стороны. Его роста едва-едва не хватало, чтобы доставать головой до каменистого неровного потолка. Когда он повел плечами, круто потрянул шею, и в тот миг его позвонки отдали каким-то мерзким щелчком, от которого у меня пошли мурашки.

Сейчас он смотрел на меня, как мы с Франсуа глядели на мясные туши, проходя по торговым рядам. Чутье подсказывало мне: Жан сам еще не решил, что со мной делать. Губы дрогнули, контроль слабел. Сорвавшаяся поневоле усмешка поразила и меня самого, и Жана. Разноглазый кивнул в мою сторону, приказывая поделиться шуткой, ведомой лишь мне одному. Пришлось рискнуть.

— Поздновато, но... Я граф Этьен Готье, — представился я.

Брови мясника приподнялись, ноздри расширились.

— Жан Шастель, — в ответ представился он. — А вот ты зачем вообще сунулся на мой утес?

— Да виды отсюда хорошие, должно быть, — ответил я, пожав плечами.

Разноглазый отшельник наградил мой ответ довольным оскалом, а после и хриплым смешком.

— И как виды? — посмеявшись, спросил Жан.

Я подался вперед, стараясь заглянуть в одно из крохотных окошек. Бесполезно. Мои плечи тяжело опустились.

— Ну, сказать по правде, не видно ни черта, — раздосадованно вздохнул я.

Едва слова стихли, Жан одним резким ударом снова впечатал меня в стену, пребольно отбив мне ребра и спину. Зубы плотно стиснулись до мерзостного скрипа. Только сей-

час взгляд скользнул за спину Шастеля, а именно на открытую решетку.

Едва веки приоткрылись, рука Жана обхватила меня за лоб, и он дважды приложил меня затылком о стену. Голова наполнилась жутким шумом, и тошнота вновь подступилась к горлу. Потрескавшиеся сухие губы жадно глотали воздух, хоть каждое движение вскрывало запекшиеся ранки. Мучительный приступ выворачивал изнутри, а гул в голове делался громче и громче. Наконец, милосердное забвение овладело мной вновь.

* * *

Сложно описать свои ощущения в тот момент, когда Жан пришел во второй раз. Он сел чуть поодаль, опершись о стену, и его руки безвольно опустились на согнутых коленях.

— Хочешь погулять? — спросил он, разминая шею.

— Такая любезность, месье, — ответил я, прочистив горло.

Было бы странно ожидать от разноглазого мясника, что он выведет меня на свет божий, заручившись всего-навсего моим честным словом.

Я никогда не мог похвастаться сильным сложением, а потому было даже что-то забавное в тех предосторожностях, которые предпринял Жан: он приковал к своей руке длинную цепь, конец которой застегнул на замок на моем запястье. Звенья обходили мою руку в два оборота, стягиваясь тяжелым браслетом.

Когда я разглядывал цепь, то успел заметить какое-то огнестрельное оружие, заткнутое за широкий красный пояс Шастеля.

Ошибки быть не могло — это точно мой пистолет. Я отвел взгляд так быстро, насколько было возможно, однако это не помогло избежать пристального внимания мясника.

— Туговато, — недовольно вздохнул я, пытаюсь поправить тяжелые звенья.

Сейчас я заметил, насколько они неровные, полны зазубрин и глубоких ударов с моего конца.

Видно, другие везунчики, которые оказались в гостях у Шастеля до меня, довольно активно рвались прочь. Эти отметины красноречиво рассказывали о долгой службе старой цепи разноглазому мяснику, службе его охоте.

Полагаться на грубую силу было глупо. Конечно, я прикидывал, как бы наиболее вежливо распрощаться с Жаном, но мой побег никак не мог строиться на физическом превосходстве и уж тем более физическом срыве оков.

— Да? — усмехнулся Жан, потряхнув старой цепью. — Ничего не знаю, до тебя никто не жаловался.

Я удивленно вскинул брови, проявляя на самом-то деле искренний интерес. И хоть мне безумно хотелось послушать о вкусах и пристрастиях мясника, я решил подождать с расспросами.

Он кивнул на дверь, и в этом жесте проявилась уже примененная мной размашистая свободная манера движений.

Я повиновался и пошел к решетке. Она была грубо врезана прямо в скалу. Местами камень давал трещины, которые забивались клиньями.

Побоявшись, что подобный интерес может раздосадовать Жана, чего я, разумеется, не хотел ни в коем случае, я поспешил идти дальше.

Цепь волочилась по полу, пока я шел мимо таких же врезанных решеток. Всего я насчитал шесть подобных камер — может, их притаилось больше в полумраке катакомб.

Довольно скоро я вышел к грубо выдолбленным ступеням и охотно взошел по ним. Ослепительно яркое солнце резануло мне по глазам, и я невольно зажмурился и отвел взгляд.

Еще не привыкнув к палящему солнцу, я шел вперед вслепую, как вдруг резкий звук заставил меня встать на месте.

В моих ушах еще не стихло злостное собачье брехание. Я насилу приоткрыл глаза, пораженные солнцем, и сглотнул.

Передо мной стояли звери, которых я раньше никогда не видел. Ближе всех эти чудища походили на помесь собаки и волка, но меня сильно смущала косматая черная грива. Также не давали покоя лапы со светло-белыми полосами — подобного я не встречал ни в одном зверинце.

Их было пять, и от шеи каждой тянулись цепи к огромному валуну. Их холки круто дыбились, и поджатые уши вторили общей напряженности, охватившей зверей. Тем не менее цепи не были натянуты. Помимо этого, псины были ограничены намордниками, которые не позволяли им вонзиться в меня здесь и сейчас.

Прямо над моим ухом раздался свист, заставивший меня вздрогнуть от неожиданности и метнуться в сторону, непроизвольно схватившись за грудь.

Едва я поднял взгляд на Шастеля, меня даже задела та издевательская улыбка, которой он меня так радушно одарил.

Я выпрямился, хотя, сказать по правде, спина ныла неистово и дико.

— А я все гадал, что за собака меня облаяла, — произнес я, переводя взгляд на зверей.

— Это гиены, — поправил меня Жан и направился к валуну, овитому цепью несколько раз.

Он отстегнул с пояса связку ключей, среди которой, вполне возможно, был и ключ от моих оков. Но, конечно же, мясник решил вызволить зверей, а не меня.

Открывшийся ржавый тяжелый замок пронзительно скрипнул от поворота внутри скважины. Груда металла грохнулась на камень, жуткое зверье осталось без привязи.

Моя память не очень-то милосердно воскрешала эпизоды из Библии, особенно казни ранних христиан дикими зверьми.

Когда я уже нашел подобную кончину весьма поэтичной, почему-то ничего не произошло.

Гиены топтались, поскребывая длинными когтями по скалистому утесу, но едва ли собирались к броску. Такой расклад дел порядочно меня озадачил.

Тут я заметил, что тонкие губы Жана шевелятся, и мне казалось, даже сквозь шумевший прибор, я едва-едва различал его заговорщический шепот.

Я с замиранием сердца глядел, как все пять зверюг следовали воле одного человека. Сам же Жан начал отстегивать тугие пряжки на затылках гиен и бросал намордники прямо на пол.

Звери отряхивали свои морды, иногда потирая лапами, как часто делают коты при умывании.

— Пошли, — кивнул мне Жан, направляясь к тропе, что круто вела вниз, к дикой бухте.

Едва гиены услышали заветное слово, звери ринулись за хозяином.

Я боязливо ступал на камни, рискуя с каждым шагом сорваться и навертнуть себе шею.

Жану же, видимо, был знаком каждый уступ, и он ловко шел, даже не глядя себе под ноги.

— Погоди, — произнес я, видя, что цепь, связывающая нас, постепенно начала подниматься.

Шастель обернулся через плечо и сделал ловкий прыжок, развернувшись ко мне вполборота.

— Не ной, почти пришли, — он указал большим пальцем себе за спину.

Над простирающимся берегом кружили крупные вороны, хлопая черными крыльями. Здешний берег был раздольем для любого падальщика — на камнях под жарким знойным солнцем валялись дохлые рыбы.

Гадкий запах смешивался с царящим вокруг нас жаром и оттого усиливался, и каждый порыв ветра жестче доносил эту мерзкую вонь.

Зверье Шастеля уже рыскало по каменистому побережью, и цокот их когтей доносился до нас, когда они с большим рвением выискивали рыбешку покрупнее.

Шастель сел на поваленный ствол кипариса — судя по всему, дерево было сметено во время стихийного шторма. Я перевел дух и сел на некотором отдалении от Жана. Ме-

сто было не самое удобное, но всяко удобнее каменистого пляжа.

Мы с Жаном молча смотрели, как гиены носятся по побережью, отбивая добычу у чернокрылых воронов.

Я сложил руки на коленях и уже хотел было прислониться к сухой, но могучей ветви кипариса, как резкая боль от малейшего прикосновения быстро разубедила меня в этой затее.

Вдруг я заметил, где еще я обманулся в отношении этих черномордых чудищ. Сперва мне показалось, что гиены жрут падаль, но мне самому стало дурно, как до меня дошел истинный смысл их метаний.

Носясь из стороны в сторону, зверье тащило в одну кучу рыбешек, дохлых чаек и еще неведь что — мне было отсюда не разглядеть.

Омерзительный запах продолжал щипать нос, особенно сейчас. Не будь я столь истощен, меня бы стошнило.

Жан же пристально вглядывался в падаль, наклоня голову все круче и круче, я видел шевеления мускул и жил его длинной шеи.

Гиены перестали таскать добычу и, свесив языки, обратили на нас свои глазки, точно бусы из черного стекла, которые мы с кузеном прикупили буквально накануне.

Жан же отвечал не менее, а как по мне, так и более лютым взглядом. Его тонкие губы дрогнули, и у крыла носа возникла складка, присущая скорее оскалу.

Я не знал, чего выжидает Шастель, и сидел рядом, затаив дыхание.

Резкий свист заставил меня вздрогнуть всем телом и невольно сжать кулаки. Для зверей же то было, видимо, самым добрым и желанным знаменем их хозяина — они тотчас же ринулись пожирать гору падали, приволоченную со всего побережья.

Приступы отвращения, безусловно просыпались во мне, когда я глядел на этих безобразных горбатых падальщиков, как их пасти вновь и вновь вонзаются в зловонную плоть.

Чавканье раздавалось вперемешку с хрустом костей и клцаньем клыков и когтей о друг друга и о скалистые камни берега.

При всей мерзости, которым изобиловало открывающееся мне зрелище, я не мог отвести взгляд ни на минуту. Я не могу назвать это оцепенение состоянием заворуженности, но какой-то немислимый и даже кощунственный трепет овладел моим сердцем.

Мне пришлось отвести взгляд лишь от порыва ветра, который с громким свистом поднял горячую пыль. Я прикрыл глаза рукой и зажмурился, отвернув лицо в сторону. Обжигающий жар пронесся по моей и без того раздраженной коже.

Когда порыв стих, я приоткрыл веки и, сам того не желая, встретился с Шастелем взглядом.

— Как прошла твоя первая охота? — спросил я.

Я рисковал, но в этот раз попал в цель. В мимолетном изменении, в едва-едва заметном шевелении во взгляде промелькнуло удивление и даже замешательство.

— Скверно, — пожал плечами Жан, когда его недолгое оцепенение исчезло. — С тех пор я охочусь намного лучше.

— Это точно, — кивнул я, переводя взгляд на цепь на своей руке.

Жан усмехнулся, поведя головой. Есть жесты, к которым привыкнуть нельзя, и вот это был один из них. То ли дело было в слишком длинной шее, то ли он резко и круто заламывал голову набок, то ли меня отвращал именно этот мерзостный щелчок. Я не мог сказать точно, но эта вымораживающая привычка вновь заставила меня покрыться мурашками.

— И каково это, — спросил я, — отнимать жизнь?

Шастель усмехнулся и свел брови.

— Ты ни разу не убивал? — спросил Жан.

— Не было нужды, — я пожал плечами.

— Вот как... и ты, наверное, решил, что вот так с ходу, с первого раза завалишь меня вот этим? — спросил Жан, вынимая из-за широкого пояса мой пистолет.

Я развел руками и неловко улыбнулся.

— Да уж, стрелок из меня неважный, — вздохнул я. — Хотя моя семья испокон веков была охотниками.

— Может, ты подкидыш, — сказал Шастель, пожав плечами и почесав собственный висок дулом пистолета.

— Может быть, — согласно кивнул я, усмехнувшись, и Жан усмехнулся мне в ответ.

Мы продолжили слушать прибой. Волны обрушивались вновь и вновь на дикие камни. Шум моря смешивался с воплями гиен — они, видно, давно томились на цепи.

Гоня друг друга по побережью, они вцеплялись друг другу в глотку, пинались когтистыми лапами и отбегали ровно настолько, чтобы уродливый сородич не отстал.

Шастель подался вперед. Ссутулив плечи, он уперся локтями в колени, а его стеклянный взгляд следил за жуткими питомцами.

Наконец Жан окинул меня взглядом, которому я не мог дать описания тогда и не могу дать его сейчас.

— Пошли, — сказал он.

Еще до того, как сам Жан встал с поваленного ствола, его зверюги зашевелили черными ушами и, обернувшись, метнулись к хозяину. Меня тогда удивило, как гиены вообще что-то слышали сквозь шум прибоя и криков воронья.

Жан присвистнул и окинул скорым взглядом своих сутулых питомцев. Зверье остановилось в нескольких шагах от нас. Они нюхали воздух и поглядывали на меня, даже догадываюсь, с какими целями.

Пришлось подниматься вверх по крутому склону. Шастель взбирался еще быстрее, чем спускался. Я едва-едва поспевал за ним. Что-то мне подсказывало, что если цепь, связывающая нас, натянется, это очень не понравится Жану, в то время как я уже вполне себе рассчитывал на пусть и извращенную, но симпатию к своей скромной персоне.

Мои мышцы дрожали от усталости, но я боялся отстать от Жана. Когда я насилу справился с этим подъемом, Жан

ждал меня на небольшом относительно ровном плато, а его твари убежали вверх — по крайней мере, я их не видел.

Я уперся руками о колени, пока переводил сбитое дыхание. Сухие губы жадно глотали горячий воздух.

Мне показалось, что Жан собрался сделать шаг ко мне. Будучи не в силах сказать ни слова, ни попросту разогнуться, я выставил руку перед собой, прося еще пару мгновений, чтобы перевести дух.

Мой жест заставил Жана улыбнуться. Он всплеснул руками, оставаясь на своем месте.

— Дыши, дыши, — произнес Шастель, как будто бы в самом деле пытался меня успокоить. — Мы никуда не торопимся.

Я пару раз кивнул, ибо тоже не видел сейчас ни малейшего повода для спешки. Оставшийся отрезок тропы был куда более пологим, и мы прошли его уже без остановок.

По мере того как мы отдалялись от морского берега, тем жарче и суше казался мне ветер, обдувающий нас редкими порывами.

* * *

Когда я уже завидел здоровый валун, к которому были прикованы гиены, мы свернули от него. Я следовал за Жаном, не задавая лишних вопросов. Когда мы пересекли тенистую рощицу, я смутно узнал эти места, облаченные сейчас золотом щедрых южных небес.

Мы не стали спускаться в подземелье, а направились к хибаре.

Я старался не отставать от Жана, но за его широким шагом поспевать было сложно. Губы трескались от горячего воздуха, который я жадно глотал, не в силах унять эту удушьящую жажду.

Где-то вокруг нас рыскали гиены, то подбегая, то вновь устремляясь прочь, по скалистым уступам, поросшим колючими сухими кустами местной флоры.

Мне было бесконечно отрадно увидеть хижину — я был на пределе. Каждый шаг под зноем казался настоящим подвигом.

Едва-едва я переступил порог хижины мясника и едва ее милосердная тень наконец укрыла мою голову, я закрыл глаза и рухнул спиной к стене ветхого жилища и сполз на пол, не будучи в силах стоять на ногах.

Но тут же я вздрогнул, придя в чувство, — Жан резко дернул цепь.

Я суетно оглядел жилище и поразился увиденному еще больше, чем в первый раз.

Прямо посреди хибарки на полу был расстелен узорчатый ковер с бахромой, прямо на земле. На нем стоял низкий столик, грубо смастеренный явно на скорую руку.

Я протер свои глаза, утомленные ярким светом, и вновь принялся разглядывать накрытую на столе роскошную посуду. Я уже видел эти кувшины, кубки и блюда, сваленные в кучу под покровом мешковины.

Сейчас они величаво поблескивали в солнечных лучах, что струились из открытых окон и двери, гордо преподнося здешние яства.

Жан стоял, держа одну руку на поясе, едва касаясь ею заткнутого пистолета. Разноглазый мясник уселся за стол по-турецки и кивнул мне, чтобы я составил ему компанию.

От мучившей меня жажды я находился на грани безумия, поэтому мне хватило короткого жеста как дозволения, чтобы прикоснуться к этим яствам.

Я жадно припал к кувшину с прохладной водой. Уняв дерущую меня изнутри жажду, я глубоко вздохнул, переводя дух.

Это щедрое угощение натолкнуло меня на пару догадок, относительно того, почему я вообще еще жив.

Сам Жан не ел, что меня, конечно, немного беспокоило, но не настолько, чтобы я отказался от трапезы.

Утолив голод, я принялся ожидать дальнейших знаков от Жана, с чем он не спешил.

— Спасибо, — произнес я.

Ответа не было. Вообще, кажется, Шастелю было не до меня — он глядел куда-то на улицу, вдаль, через открытую дверь, верно, приглядывая за своими питомцами.

— Пока отдохай, — сказал он, даже не обернувшись на меня.

Как будто мое тело лишь и ждало того дозволения. Тяжелые веки закрывались сами собой. Я успел лишь отползти назад и прислониться спиной к стене, как меня срубило в сон.

* * *

Когда я открыл глаза, все тело мое невольно передернулось от страха. Только потом мой разум медленно пробуждался вместе со мной, вспоминая, где я нахожусь, что это за убогая хибара и самое главное — кто ее хозяин.

— Вставай, — услышал я голос Жана и инстинктивно обернулся на него.

Он стоял, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди. На столе, где днем разложилось роскошное пиршество, сейчас горела лампа из красного стекла.

Свет inferнально очерчивал лицо Жана. Его сосредоточенное выражение встревожило меня, и я оглянулся на выход.

Дверь была открыта настежь.

Воздух успел достаточно остыть, чтобы прохлада мягко прикасалась к моему лицу, растерзанному палящим зноем.

Я принялся насилу подниматься. Несмотря на гнусную боль, мне было лучше — немало сил мне придала трапеца, свершившаяся накануне.

Жан перевел нелюдимый взгляд на меня, и я точно читал — разум его был занят чем-то иным, безмерно важным и далеким.

Я не знал, куда деть себя, как унять ноющую боль, и просто стоял, придерживая цепь, чтобы тяжелые звенья так мучительно не оттягивали мое истерзанное запястье.

— Пошли, — бросил Шастель, направившись к выходу мимо меня.

Я поспешил за ним.

Когда мы вышли из дома, на нас из темноты выбежали гиены, и Жан взвел руку и медленно ее опустил, унимая щемячий восторг своего зверинца.

Глаза быстро привыкли к ночному мраку. Жан брел своим широким скорым шагом безо всякой оглядки на меня.

Я пристально всматривался себе под ноги, боясь споткнуться о корягу или камень, но от моего внимания не ушла перемена в наших черномордых горбатых спутниках.

Гиены, будучи выпущены на волю, не резвились так, как это было днем. Первой моей мыслью было, что звери попросту устали с прошлой прогулки, но, приглядевшись, увидел, что твари поджимают уши и хвосты, и их осторожная походка суетливо семенила.

Вскоре мы снова стали спускаться вниз по пологому склону. По краям узкой тропки чернели кусты дикого шиповника, и сейчас растение напоминало мне морских ежей.

Я точно не знал этой тропы — я бы запомнил эти скорбные силуэты деревьев, которые застыли в неведомой мне и непонятной, но безумно живописной агонии.

От высоты и чистоты небосвода захватывало дух. Над нами открывался купол неба, о котором тоскливо мечтают астрономы на нашей хмурой северной родине. Небо было такого глубокого и непомерно сильного цвета, в который смотришь и не можешь поверить.

Я заметил несколько одиноко стоящих земляничных деревьев, которые тянули свои тела. Их стволы живописно гнулись, как будто бы от скуки, как будто их утомила эта широкая, раскрытая равнина.

Далекie рощи оливковых деревьев тянулись темно-синими зубчатыми рядочками, а уже за ними величественно восходили пологие склоны небольших гор.

Я от всего сердца любовался этим великолепием величественной вечной ночи, которая расстилалась и царила здесь.

Все нутро мое подсказывало, что этот вид, как будто древний, давно забытый сон, будет последним, что я увижу.

Если раньше мне казалось, что звери как-то поубавили прыти, то сейчас я отчетливо видел — Жан преломляет их волю, заставляя следовать с нами.

Зверье робко семенило своими полосатыми лапами, будто бы здесь была огненная земля, и они не могли вовсе ровно стоять на одном месте. Становилось не по себе от этого поведения гиен, но от наблюдения меня отвлек резкий звук.

Мерзкий хруст вновь раздался, я невольно поморщился и обернулся на Жана. Шастель снова круто повел головой, разминая шею, и меня вымораживало от этого.

Мы стояли один на один с бескрайней равниной посреди полночной тьмы. Шастель сделал шаг, на который, видимо, ему было не так-то просто решиться. Ни звезды, ни тонкий месяц никак не могли развеять тот мрак, сквозь который я шел следом за Жаном.

Полагаться мне оставалось разве что на собственное чутье, ступая в крошечной темноте.

Порыв ветра зашуршал в сухом кустарнике, и я невольно вздрогнул всем телом и обернулся. Нервное истощение уже стало много сильнее меня. Мой взгляд скользнул по гиенам — зверье не отводило от нас своих маленьких черных глаз, которые поблескивали влажными бусинками в робком серебре месяца.

Мне не передать, что я испытывал, ступая по проклятой земле, проходя тот путь, которого страшатся дикие звери.

Мое сердце отчаянно и пылко желало, чтобы все уже закончилось. Любой исход был бы милосердным спасением по сравнению с этой мучительной слепой неизвестностью.

И будто бы моя безмолвная мольба была услышана.

Шастель замер, дойдя до какой-то невидимой грани, но я точно знал, что дальше нельзя было ступить ни шагу.

Воцарилась мертвая тишина, и никакой ветер не смел шептаться с сухой травой, ни одна ветвь оливы не дерзнула колыхнуться.

Жан обернулся на меня через плечо левой стороной лица, и сейчас его глаз светло-голубого цвета особенно чуждо гляделся на загорелом лице.

Решимость в его взгляде вспыхнула, и в нем дышала inferнальная сера — мне четко почудился этот запах, что резанул нос.

Его хватка мертвым капканом вцепилась мне в плечо. Он грубо прихватил мою потертую пыльную рубашку. Ткань треснула, но это не помешало ему швырнуть меня перед собой.

Я не успел ничего сообразить, и уже был готов больно упасть наземь, как вдруг раздался сухой треск.

Агония охватила все тело и оглушила мой разум. Несмотря на то что мне посчастливилось грохнуться на бок, я не мог пошевелиться. Дыхание давалось с большим трудом — от падения поднялась горячая пыль, и грудь точно была придавлена неподъемным камнем. Я тщетно пытался вдохнуть.

Когда мой разум, охваченный неистовой лютой болью, постепенно прояснился, я с ужасом увидел Шастеля где-то там, над собой. Он стоял мрачной длинной тенью у самого выступа, глядя на меня сверху. Сам же я валялся в яме, в окружении обломков сухого дерева и земли с пожухлой травой, которые прикрывали эту ловушку.

«Вот каков вид из могилы...» — думал я, и странное чувство наполняло мой разум.

Помимо жуткого страха, подводящего меня к грани разумного, я испытал необычайную легкость от того, что свершилось, хоть я не имел ни малейшего понятия, что происходит.

Наконец моя попытка вздохнуть увенчалась успехом, и я хриплым вздохом жадно глотал воздух, когда до моего слуха донесся свист Жана, а затем последовал звук, которому я до сих пор не могу дать описания.

Это был не рык, никак не рык, нет. Наверное, удар отшиб мне голову настолько, что все мои чувства изменились, ина-

че я объяснить не мог. Невольно я обернулся на этот гулкий звук, и кровь застыла в жилах.

Я не был один в этой яме. Кто был там, в черном лазу в человеческий рост? Оттуда слышался этот утробный рычащий звук, под стать лишь созданиям самой преисподней.

Нет, Ад бы содрогнулся от ужаса, услышав то, что доносилось до моего несчастного слуха.

Я впал в оцепенение, боясь и страстно жаждая узреть того, кто таился там, во мраке. Затаив дыхание, я просто ждал, когда зверь явит себя. Сердце отбивало каждый удар в распущенном наслаждении. Подобно тому, как вино становится слаще с каждым глотком, каждый миг для меня был полон пьянящего восторга.

Я и сейчас не знаю, был тот зверь порождением тьмы, либо же тьма, вселенская тьма и морские глубины, — вся тьма была порождением того чудовища, что вышло ко мне.

Жуткий оскал окаймлялся черным небом. Губы монстра были рассечены много раз, и из-под них выступал вперед кривой и беспорядочный ряд клыков.

По бокам зверя тянулись длинные темные полосы, пересеченные шрамами от ножей и огнестрела. Все мое нутро содрогнулось от мысли, что эту тварь не берет ни штык, ни пуля.

Голова была опущена ниже шеи, и на меня тарасились в остекленевшей лютости два черных глаза. Этот взгляд пробивал на холодный пот, и я не мог пошевелиться, лишь биться в неконтролируемой дрожи.

Зверь качал головой, когда совершал свои медленные и неторопливые шаги ко мне. Каждый его шаг отвечал цоканьем длинных когтей по камню.

Оцепенев от ужаса, я был лишь бесправным и замороженным зрителем. Зверь явно вышел на меня.

Я не сразу расслышал зов, а когда расслышал, не мог поверить. Голос доносился откуда-то сверху. Это был Жан. Он что-то приказывал, бросал снова и снова короткое слово, которое выбило у меня из памяти навеки.